

УЗЕНСКИЙ КРАЙ. Из истории Саратовского Заволжья

Первые поселенцы на Узенях

“А река Узень потекла из кочевья Больших Нагаев прямо от реки Камелика, за 60 верст от Камелика. А другая розсошь Деревянные Узени потекла 120 вёрст от Саратова, потекла к реке Яику в озеро, протоку до озера 300 вёрст <...>. А река Деревянная Узень потекла надвое и как сошлись и те обе реки Камыш-Самар”.

Эти строки взяты из “Книги Большому Чертежу”, составленной в 1627 году. Она содержит описание всех географических объектов, которые были нанесены на первую оригинальную карту Российского государства, изготовленную во времена Ивана Грозного. И если саму карту, получившую тогда название “Большой Чертёж”, до сих пор не удалось найти, то “Книга Большому Чертежу” дошла до нас в многочисленных списках. Именно в ней впервые в русской картографии упомянуты реки Узени и подробно описаны заволжские степи. Значит, уже в конце XVI – начале XVII веков реки Узени были хорошо известны служилым людям Московского государства. Однако понадобилось ещё не менее ста лет, чтобы русские переселенцы отважились прийти в заволжские степи, положив тем самым начало освоению здешнего края.

Первыми в них водворились “вольные” люди: бежавшие от крепостных пут крестьяне, скрывавшиеся от военной службы солдаты и рекруты, преследуемые властями старообрядцы и все, кто искал лучшей доли и земли обетованной. Здесь, в местах глухих и далёких, они надеялись надёжно укрыться от сыскных команд, рекрутчины и гонений за старую веру. По берегам Узеней рыли себе землянки, в зарослях камыша и прибрежном лесу охотились, на реках и озёрах промышляли рыбу. Неповторимые краски той эпохи воссоздают многие русские песни. В одной из них есть такие слова:

Далеко, далеко степь за Волгу ушла.
В той степи широко буйна воля жила.
Часто с горем вдвоём, и бедна и вольна
С казаком-бурлаком там водилась она.
Знать в старинный тот век жизнь не радость была
Что бежал человек из родного села.
Покидал отчий дом, расставался с женой
И за Волгой искал только воли одной.

Жизнь “вольных” поселенцев была совсем не безмятежной, ведь власти считали их “опасными элементами”, “ворами” и “разбойниками”. Так, гвардии капитан-поручик Маврин, посланный в 1774 году в Яицкий городок для следствия над пугачёвцами, в рапорте доносил, что Узени – “место такого

положения, кое всю мятежническую тварь в себя вжирает, а потом отрыгает пагубнейшими извергами естества человеческого”¹. И не удивительно, что бежавшие в узенские степи, не чувствуя себя и здесь в полной безопасности, часто вынуждены были менять место, редко кто решался создать семью и обзавестись домашним хозяйством.

Так продолжалось до 1780-х годов, когда на Узени стали прибывать первые партии официальных переселенцев: началась правительственная колонизация узенских земель. Чем же она была вызвана?

К 1780-м годам казённые крестьяне центральных и центрально-чернозёмных губерний стали испытывать нехватку земельных угодий. В дальнейшем это грозило серьёзно подорвать экономику крестьянского хозяйства, что с неизбежностью сократило бы поступления финансовых средств в государственную казну. Российское правительство встревожилось и занялось поисками противодействия обозначавшемуся обезземеливанию крестьян. Были, конечно, и другие причины, побудившие власти России взяться за проблему. В частности, обеспечением крестьян достаточным земельным наделом власти стремились сохранить традиционные нравственные устои, господствовавшие в сельской общине. Согласно распространённому тогда мнению, для нормального ведения хозяйства необходим был земельный надел по 15 десятин на каждую мужскую душу. Как считалось, при таком наделе вполне можно отвратить крестьянина от “дурных помыслов” и “худых поступков”, сохранить и поддержать его верноподданнические чувства.

Эти и другие факторы повлияли на аграрную политику кабинета Екатерины II. Появляется ряд законодательных актов, призванных ограничить, а по возможности – и вовсе приостановить неблагоприятную тенденцию в землепользовании. Среди них имелись правительственные указы, побуждавшие малонадельных крестьян перебираться на неосвоенные земли в южных и юго-восточных губерниях – Азовской, Астраханской, Кавказской, Новороссийской, Оренбургской и Саратовской.

Уже первые указы, заложившие основы переселенческой политики, довольно чётко определяли её задачи и направления. Так, указ 1778 года провозглашал: “Для удовольствия ж казённых крестьян землями, имеющих в том недостаток, многие есть и другие средства, как-то: переселения из утеснённых жительств в другие тех же ведомств селения, обильные землями, или на порозжие государственные пустые земли”². При этом ведущим принципом переселенческой политики была строгая добровольность. Крестьяне, изъявившие желание переселиться, получали льготы: освобождались от податей и повинностей в течение полутора лет, для обзаведения хозяйством получали бесплатную ссуду, оказывались и другие виды содействия. Словом, государство заботилось об их благоустройстве. На Нижнюю Волгу малоземельным крестьянам позволили переселяться по указу 1776 года. Экономическому ведомству предоставлялось право перевести 2000 крестьянских душ на земли бывшего Волжского казачьего войска, простиравшиеся от Камышина до Царицына. Спустя 5 лет, в 1781 году, в Саратовское наместничество разрешалось перевести ещё 20 тысяч

экономических крестьян. А указы 1785 и 1788 годов заложили правовую основу для переселения крестьян в заволжские степи.

Именной указ, направленный в июле 1785 года саратовскому наместнику П.С. Потёмкину, гласил: “Что принадлежит до пустых земель в Саратовской губернии, и недостатка оных у многих поселян ведомства казённого, то должностью Директора Домоводства будет назначить для удовлетворения скудных селений земли по способности <...> Но при том подтверждаем смотреть, чтоб тут ни для поселённых, ниже для кочующих не было ни малейшего стеснения и отягощения, и чтоб ни к чьей собственности никто прикоснуться не смел”.

Указом, данным новому наместнику В.А. Черткову в августе 1788 года, предписывалось: “В рассуждении достаточного количества удобной земли между обоими Узеньями, позволяется селить на оной <...> тех крестьян, кои быв отправлены из разных мест для переселения в южные губернии, и приостановясь тут <...> сами просят об отводе им земель”³.

Два эти указа открыли двери официальной колонизации узенских степей. И всё же первые крестьянские семьи прибыли на Узени несколько раньше – в самом начале 1780-х годов. В архивных документах имеются указания, что заселение будущей слободы Александров Гай началось в пору четвёртой переписи населения, а она проходила в 1782 году. Вскоре новоприбывшие крестьяне обосновываются и на реке Малом Узене, создав здесь одноимённое селение. В частности, сюда были переведены из Вятского наместничества Юранской округи деревни Запертой дворцовые крестьяне Белобородовы, Кургановы, Мокрецовы, Подуровы, Терцовы и другие⁴. Скорее всего, в это же время возникают поселения Осинов Гай, Орлов Гай и Чертанла.

Более подробны сведения о переселенцах 1790-х годов. С этого периода переселение в узенские степи стало приобретать массовый характер, так как с образованием в Заволжье сети кордонных постов и сооружением Узенской крепости жить здесь было уже не столь рискованно, как раньше. К концу XVIII века в Александровом Гае числилось более 200 ревизских душ, приблизительно столько же – в Малом Узене, в Орловом Гае – 49, в Осиновом Гае – 82, а в Чертанле – около 300 душ мужского пола⁵.

Из всех узенских селений Чертанла становится наиболее привлекательным для прибывающих. Уже в начале 1790-х годов она представляет собой весьма крупную деревню. Такой вывод позволяет сделать один из немногих документов, сохранившихся от тех лет в саратовском госархиве. Это – жалоба алгайских крестьян, поданная их поверенным Степаном Бановым сенатору Г.Р. Державину на неправомерные действия местных властей. Из неё узнаем, что 220 тамбовских крестьян, переселившихся в 1793 году в Александров Гай и проживших там не более полугода, без их желания и согласия переместили в Чертанлу, где и расселили “по квартирам” чертанлинских жителей⁶. Ясно, принять такое число людей могла лишь деревня многодворная. Заметим, что, судя по жалобе, такое перемещение крестьян в Чертанлу было вызвано желанием властей ускорить завершение строительства Узенской крепости, поскольку заготовленные крестьянами стройматериалы

были у них изъяты и переправлены в крепость. Лишь через 3 года крестьянам позволили вернуться в Александров Гай, откуда они и отправили свою жалобу с просьбой возместить причинённый им материальный ущерб.

В середине 1790-х годов в Чертанлу перешли 155 ревизских душ дворцовых и экономических крестьян из Шацкой и Моршанской округ Тамбовской губернии. Из села Вановья прибыли дворцовые крестьяне Бабаевы, Ботовы, Вершковы, Губины, Курбатовы, Куровы, Крючковы, Кононовы, Котины, Коробовы, Митрофановы (Митрохины), Мухины, Полеваевы, Роговы, Сорокины, Тучины, Узюмовы. Усины, из села Алгасова – Грох[т]овы, Нагибины, Ососковы, Яндрейские, из села Калыковки – Елины, Карякины. Тарасовы. Несколько позже или одновременно с ними из этих же сёл переехали Антиповы, Белоусовы, Морозовы, Непряхины, Рудомётовы, Жуковы.

Уроженцами тамбовского села Княжева были семьи экономических крестьян Петра и Лариона Шилиных, Зота Рогачёва и Василия Терентьева, причисленные к платежу податей по Чертанле с 1797 года. В Чертанле проживали также семьи экономических крестьян Прокофия Алексеева, Трофима и Прохора Булавиных, Ермолая Воронина, Семена, Дмитрия и Павла Заглядовых, Кирилла Карпова, Данилы и Фатяя Кожевниковых, Никиты и Василия Корчагиных, Лукьяна Лукьянова, Ивана Котина, Ивана Мелантина. Леонтия Новикова, Марка Петрова, Ивана Потапова, Ивана Седакова, Дмитрия Сиднева, Варфоломея Скворцова. Семёна Спиридонова, Егора Сусликова, Ивана и Егора Шаламановых, Ильи Шихалева, Ивана Узюмова, Константина Урланова, Василия Позднякова.

С 1806 по 1810 годы в Чертанлу переехали семьи Никифора Карпова, Елисея Корнеева, Михея Могучева, Афанасия Новикова, Анисима Терентьева и Исая Суслина, все – экономические крестьяне.

Этот разряд крестьян был образован в середине 1760-х годов. По указу 1764 года о секуляризации духовенство лишалось права владеть церковно-монастырскими и вотчинами крестьянами. Около одного миллиона крестьян, принадлежавших монастырям, передали в ведение казны, а для управления ими образовали специальное учреждение – Коллегию экономии. Поэтому всех бывших церковно-монастырских крестьян стали называть экономическими.

На полстолетия раньше началось формирование другого разряда крестьян – однодворцев. Их предками были служилые люди – дети боярские, стрельцы, рейтары, казаки, драгуны, копейщики, пищальщики и прочие, несшие службу на южных и юго-восточных рубежах Московского государства в XVI – XVII веках. Государство наделяло служилых людей по месту их службы землей. Они владели своими участками по поместному праву, то есть являлись полными их собственниками. Не запрещалось им иметь и крепостных крестьян. Однако их поместные участки, как правило, не намного превышали наделы казённых крестьян, так что у них не было особой надобности в крепостных. Поэтому большинство служилых людей селилось на собственной земле не многими, а одним двором. Отсюда и название – однодворцы. В начале XVIII века, когда Пётр I создал регулярную армию, отпала необходимость в особом полужемледельческом-полувоенном сословии. Часть этих служилых людей

вошла в состав дворянства, большинство же было причислено к крестьянскому сословию.

Однодворцы распоряжались землёй по своему усмотрению. Участки их дробились, передавались по наследству, закладывались и продавались, что усиливало среди однодворцев имущественное неравенство, а нередко вело и к безземелью. Уже в 1760-е годы в Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской и Тамбовской губерниях, где была сосредоточена основная часть однодворцев, имелись целые общества, лишившиеся своей земли. Отсюда – их желание перебраться в другие, обильные землями места. Общие принципы переселения однодворцев излагала Межевая инструкция 1754 года. Однако лишь с 1780-х годов правительство вплотную занялось переселением однодворцев.

В узенские степи однодворцы перешли, видимо, из Тамбовской губернии. Размещены они были в Орловом Гае, Новотроицкой (Куриловке), Малом Узене, Александровом Гае и Чертанле. Кстати, все эти селения, за исключением Чертанлы, именовались слободами. Скорее всего – благодаря однодворцам, поскольку они свои селения обычно называли слободами.

Среди черталинских однодворцев встречаются такие фамилии: Богатырёвы, Галкины, Дубовицкие, Беснятовы, Ишины, Клышниковы. Курбатовы, Мананниковы. Монахины, Насоновы, Поповы, Страховы, Тарабрины, Токаревы. Однодворцы Орлова Гая носили фамилии Асташевых. Востриковых, Коршуновых, Лопатиных Фирсовых, Чепрасовых; Александрова Гая, Малого Узеня и Новотроицкой – Агаповых, Зотовых, Кабановых, Кисельниковых, Макаровых, Метёлкиных, Титовых, Урасовых, Щегловых.

Не столь многочисленным был разряд ясашных крестьян. Больше всего их укоренилось в Орловом Гае: Бурдан, Бардины, Дубасовы, Земсковы, Кондратьевы, Матвеевы, Петуховы, Савельевы, Сергеевы, Яковлевы. В Чертанле к ясашным крестьянам принадлежали Алексеевы, Беззубовы, Даниловы и Жаровы, в Александровом Гае и Малом Узене – Анисимовы, Андреевы, Казаковы, Кругловы, Кузьмины, Никифоровы, Семёновы, Осиповы и некоторые другие. В крепости Узени было всего две семьи из ясашных – Акинфия и Парфена Михайловых. В 1805 году в Новотроицкую были переведены из села Грязнухи Балашовской округи 11 семей ясашных крестьян: Александровы, Бормашовы, Клюевы, Корабельниковы, Ждановы, Михайловы, Родины, Фроловы, Шенляевы, Щегловы, Ляльковы.

Предками ясашных крестьян были коренные народы Сибири, Урала и Поволжья, платившие казне ясак – натуральный налог, в основном мёдом и пушниной. Ясашные крестьяне Поволжья нередко представляли собой обрусевших инородцев, хотя среди них имелись и великороссы.

Близкими по своему положению к однодворцам были пахотные солдаты. Они жили в Чертанле, Новотроицкой и крепости Узени. В Чертанле к ним относилась семья Мирона Гузеева, в Новотроицкой – Ивана Подручина, в крепости Узени было 6 таких семей: Дорофея Артемьева, Ивана Гаврилова, Максима Галкина, Александра Коновалова, Савелия Фёдорова и Карпа Шабаева,

В крепость Узени прибыла в 1797 году семья Тита Ускова, единственная во всех узенских селениях из черносошных крестьян. В XVIII веке это был самый малочисленный разряд крестьян. Им удалось избежать прикрепления к земле и сохранить себя в качестве свободных земледельцев.

Экономические, однодворческие, ясашные, пахотные и черносошные крестьяне принадлежали к государственным крестьянам (их называли ещё казёнными), так как находились в ведении государственных органов и учреждений, платили подати в государственную казну и исполняли государственные повинности.

Другой многочисленной категорией земледельческого населения России были удельные крестьяне. Называть так их стали с 1797 года, когда император Павел I создал Департамент уделов, в ведение которого перешли бывшие дворцовые крестьяне. Удельные, как и дворцовые, крестьяне отличались от государственных главным образом тем, что часть их податей и налогов шла на содержание лиц императорской фамилии. Малоземелье у удельных крестьян проявлялось так же, как и у государственных. В 1801 году вышли два указа о землеустройстве удельных крестьян. Согласно первому указу, удельные крестьяне Саратовской, Симбирской и Оренбургской губерний могли пользоваться таким же наделом земли, что и казенные, то есть не менее 15 десятин на мужскую душу. Вторым указом разрешалось Департаменту уделов приобретать для своих крестьян свободные казённые земли в Саратовской губернии.

И сразу же от удельных крестьян ряда губерний стали поступать ходатайства о дозволении им переселиться в Саратовскую губернию. Тогда министр уделов повелел местным органам собрать сведения обо всех крестьянах своего ведомства, пожелавших переселиться. К 1805 году выяснилось, что в Тамбовской, Воронежской, Симбирской губерниях и некоторых местах Саратовской недоставало земли в необходимой пропорции для 20 тысяч удельных крестьян – 300 тысяч десятин. Причём большинство их хотело перейти, а некоторые уже и переехали в Саратовскую губернию.

Учитывая сложившееся положение, Сенат указом от 26 октября 1805 года разрешил отвести требуемые площади земли по рекам Узеням, где тогда насчитывалось около двух миллионов свободных десятин. Однако столь массовое перемещение удельных крестьян все-таки не состоялось. Чиновник удельного ведомства Поддьяконов, прибыв на Узени осмотреть предназначенные к отводу земли, нашёл их малоудобными, о чем и сообщил Департаменту уделов. 2 марта 1807 года там решили приостановить перевод крестьян в узенские степи. И хотя удельным крестьянам тем самым, по существу, запрещалось переселяться на Узени, с 1804 по 1807 годы несколько десятков семей из Тамбовской губернии все же сумели перебраться в узенские селения.

Так в Чертанлу прибыли из Алгасова в 1804 году семьи Сидора Сучкова, Семена и Ефтея Зеленцовых, в 1807 году – семьи Николая и Савелия Комаровых, Родиона и Герасима Нагибиных, Акима Сложеникина, Андрея Солонина, Ивана Сучкова, Якова Рыбкова. Из села Вановья в 1804 году

переехали Аржановы, Зубаревы, Елины, Ивановы, Ломовцевы, Мажирины, Поповы, а в 1807 году – Ермолаевы и Панины.

В 1805 году из села Пеньки прибыли Гусевы, Селивановы, в следующем году – Антоновы, Белдикины, Гребенниковы, Ерзаковы. Ефимовы, Ксенофоновы (Усины), Лохмотовы, Медниковы, Резины. Нехорошевы, Шатухины. Больше всего переселенцев в 1806 году дало село Серповое, откуда приехали Беляевы, Блиновы, Жилины, Зяблицыны, Коробовы, Кадушкины, Кожевниковы, Кудиновы, Молоствовы, Нагорновы, Наумовы, Прохоровы (Крючевы), Скачковы, Тальниковы, Чиканковы. В 1807 году Чертанла пополнилась жителями из Кадыковки – семьями Альховых, Бирюковых, Васиных, Вершининых, Грицковых, Карякиных, Лобачёвых (Лобовых), Спириных, Распопиных, Шкрябиных. Прибытие удельных крестьян продолжалось и в последующие годы. За 1809 – 1811 годы в Чертанлу было переведено около 60 душ обоего пола.

В результате массовых переселений 1804 – 1811 годов численность удельных крестьян Чертанлы в 2,5 раза превысила количество проживавших там государственных крестьян. Чертанла становится по преимуществу удельным селом, центром притяжения новых переселенцев из удельного ведомства. По переписи 1811 года село насчитывало 510 мужчин и 532 женщины, относящихся к удельным крестьянам. Государственных же крестьян было 203 души мужского и приблизительно столько – женского пола. На Узенях удельные крестьяне жили ещё в Александровом Гае и Малом Узене.

На 1811 год в Александровом Гае было 298 удельных крестьян – 152 мужчины и 146 женщин. Большинство их прибыло в 1804 году из малоземельных сел Саратовской губернии: из Грязнухи – Бубновы, Щёголевы (Щегловы); из Пинеровки – Илясовы, Ждановы, Коршуновы, Кучапины, Ляльковы, Мезины, Романтеевы, Тимошенковы, Тереховы, Чуриковы, Федюкины; из Мостов (Овсяной Гай) – Киселёвы, Кобловы, Загородниковы, Неверовы, Разуваевы; из Тяглового Озера – Коршуновы, Мамоновы, Овчинниковы, а Григорьевы, Тарасовы и Шумилины обосновались здесь с 1795 года, переехав из села Белой Речки Иргизской волости,

Государственных крестьян в Александровом Гае проживало в это время 401 ревизская душа (мужчин). У них встречаются такие фамилии – Агеевы, Банины, Барановы, Бирюковы, Бородкины, Букины, Воеводины, Глуховы, Засухины, Зобнины, Кондаковы, Кондратьевы, Котины, Лимовы, Леляевы, Маслины, Масляковы, Новиковы, Скородумовы, Соловьёвы, Суслины, Цыплаковы, Шариковы, Шаламановы, Шохины, Щербаковы.

В Малом Узене удельных крестьян было немного: 27 мужчин и 29 женщин. Их фамилии – Агафоновы, Белобородовы, Гурьяновы, Голубевы, Кононовы, Кургановы, Лаврентьевы, Мокрецовы, Подуровы, Рязановы, Тырцовы, Фроловы. В основном это были дети и внуки первых поселенцев. Большая часть жителей Малого Узеня относилась к государственным крестьянам, в 1811 году их было 273 души мужского пола, из которых 230 прибыли в слободу с 1804 по 1806 годы и являлись уроженцами 15 деревень Рязанской и Смоленской губерний.

Только государственные крестьяне были поселены в Новотроицкой, Орловом Гае и крепости Узени. Слобода Новотроицкая стала быстро разрастаться с 1804 года, когда Саратовская казённая палата разрешила разместить здесь экономических крестьян Рязанской губернии. Вскоре на отмежёванные земли прибыло 16 семей из села Бахмачёва и 53 семьи из села Подвязые. Многие из них носили фамилии Агаповых, Варламовых, Герасимовых, Григорьевых, Гориных, Ивановых, Карповых, Кондратьевых, Крысаковых, Ларионовых, Лукьяновых, Леонтьевых, Матвеевых, Медуновых, Минаевых, Мошковых, Осиповых, Парфёновых, Патрикеевых, Прокофьевых, Романовых, Семёновых, Сергеевых, Степановых, Тимофеевых, Титовых, Фалеевых, Фёдоровых, Шмыревых, Яковлевых.

В 1809 году из Тамбовской губернии в Новотроицкую перевели 7 семей однодворцев, в 1811 году из Рязанской губернии прибыло ещё 14 семей экономических крестьян: Алексеевы, Андреевы, Акимовы, Васильевы, Герасимовы, Ивановы, Ильины, Лукьяновы, Панкратовы, Савельевы, Степановы, Чертилины, Фёдоровы, Федуловы. Государственных крестьян к 1812 году в Новотроицкой проживало 313, в крепости Узени – 27 душ мужского пола.

По указу 1812 года крестьянам запрещалось переселяться из одной губернии в другую до тех пор, пока не будет проведён тщательный учёт всех свободных земель. К тому же в условиях начавшейся войны с Наполеоном власти уже не могли эффективно проводить переселенческую политику. Так завершилась первая волна правительственной колонизации узенских степей, продолжавшаяся три десятилетия.

Вторая переселенческая волна была не столь длительна, но гораздо мощней первой. Начавшись в 1827 году, она охватила не более десяти лет. За это время на Узенях образовался ряд новых селений: Алексашкино, Дергачи, Карповка, Мироновка, Новорепное, Новотроицкое (Перекопное). Немало новопереселенцев осело на уже обжитых и обустроенных местах.

Для удельных крестьян из Тамбовской губернии таким местом стала Чертанла. Сюда перебираются родственники ранее прибывших. Поэтому в переселенческих списках за 1827 – 1835 годы вновь попадают знакомые фамилии: Альховы, Аржановы, Ботовы, Белоусовы, Губины, Гузеевы, Карякины, Котины, Крючковы, Куровы, Митрофановы, Морозовы, Полеваевы, Поповы, Сучковы, Шкрябины и другие. Но появляется и около 90 новых фамилий. Так, в 1827 году из села Алгасова приехали Назаровы, из Кадыковки – Аникеевы, Бежины, Губенковы, Ежовы, Кочегаровы, Кулаковы, Слащёвы, Феофановы, в 1830 году из Вановья – Аникины, Бердниковы, Куликовы, Мордовины, Савочкины, Столбушкины; из Кадыковки – Королёвы, Куприяновы, Мурашёвы. Выходцами из села Алкужи были Козины и Щетинины, из Сокольников – Калашниковы, Нечаевы, Рыбины, ставшие жителями Чертанлы с 1834 года. В сказках восьмой ревизии имеются и такие не встречавшиеся прежде фамилии: Большедановы, Варфоломеевы, Гамаюновы, Гуськовы, Дурновы, Ершовы, Кувшиновы, Лопуховы, Лыткины, Моревы, Пономаревы, Рябикины, Свистуновы, Синельниковы, Соболюковы, Трухачевы,

Фомины, Чиженьковы, Чикины, Швейкины и другие. Большинство из них переехало также из Тамбовской губернии в 1827 – 1835 годах⁷.

Вторая переселенческая волна существенно увеличила темпы прироста жителей во всех узенских селениях. Чертанла к концу 1835 года насчитывала 2887 удельных и около 800 казённых крестьян обоего пола. По сравнению с 1827 годом в Малом Узене число удельных крестьян возросло в 6 раз – до 519 человек, а казённых крестьян стало 1137 душ. Меньше был прирост числа удельных крестьян в Александровом Гае – в 1,4 раза, но зато число казённых крестьян увеличилось до 2058. По переписи 1835 года, в деревне Мироновке проживало 226 казённых и 313 удельных крестьян. Все 1398 жителей Новотроицкой (Перекопной) были удельными крестьянами. В крепости Узени население возросло до 545, в Новотроицкой (Куриловке) – до 1931 человека, все они относились к казенным крестьянам. Государственными крестьянами были и жители Дергачей, Алтаты, Осинова Гая, Новорепной, Карповки и Алексашкина, в которых проживало соответственно 2520, 1559, 993, 2941, 113 и 669 человек⁸

Узени – не единственное место Саратовской губернии, куда переезжали малоземельные крестьяне. В конце 1820-х – первой половине 1830-х годов мощная переселенческая волна прокатилась по всему Саратовскому Заволжью. Всего на этот период в Саратовской губернии переселенцы образовали 51 новое селение, они водворились также в 56 ранее существовавших селах и деревнях. В общей сложности в Заволжье перешло более 60 тысяч крестьян из 13 губерний России.

Сельский мир

Массовые переселения крестьян в Саратовское Заволжье совпали с проведением административно-территориальных преобразований, предпринятых Екатериной II и Павлом I. Так, по указу от 11 января 1780 года, было учреждено Саратовское наместничество (губерния) с 10 округами (уездами), а указами от 5 апреля и 7 августа 1797 года во всех уездах вводились приказы и волости. Они ничем не отличались друг от друга, кроме одного: приказы объединяли крестьян удельного ведомства, волости – государственных (казённых) крестьян.

Волости и приказы включали в себя несколько близлежащих солений с 2 – 4 тысячами ревизских душ, то есть лиц мужского пола по последней переписи. В основу их функционирования был положен издревле действовавший в русском деревенском миру принцип самоуправления. Согласно ему всех должностных лиц в волостях, приказах, сельских и деревенских обществах избирали на мирских сходах – всем “миром”.

“Мир”, уходящий корнями в глубокое прошлое, выступал хранителем народных обычаев и традиций, в представлении крестьян он был оплотом справедливости и гарантом их социальной защищенности. И хотя реальная действительность далеко не всегда соответствовала таким представлениям, вне мира крестьянин не мыслил своего существования, он был для него естественной и необходимой средой обитания, выразителем его надежд и

чаяний.

Мирской сход в каждой волости (приказе) избирал волостного (приказного), голову, двух старост и писаря, Они-то и составляли волостное правление. По названию селений, где размещалось правление, именовалась и вся волость. В каждом селении были свой староста, писарь, два добросовестных (крестьянских судьи), ктитор (церковный староста), на каждые 10 крестьянских дворов – десятский, на 100 дворов – сотский, выполнявшие элементарные полицейские обязанности. И все они тоже избирались деревенским миром.

Предусматривалась защита чести и достоинства мирских властей. Например, за ослушание головы или оскорбление его словом виновного штрафовали на 1 рубль.

Голова, старосты и писарь волостного правления получали жалованье из средств избравшего их общества, освобождались от натуральных повинностей и телесных наказаний, а семейство головы – от всех хозяйственных сборов и казённых податей. За счёт мирских сумм голове ежегодно шили кафтан.

Выборные ведали довольно широким кругом дел. Они исполняли общий надзор за порядком в селениях и волости, несли ответственность за благосостояние крестьян и их нравственность, следили за поступлением податей и выполнением различных повинностей, извещали крестьян о распоряжениях государственно-административных органов, созывали мирские сходы.

Мирские сходы были сельские (деревенские) и волостные (приказные). На сельские крестьяне являлись “по одному с каждого двора”, обычно – главы семейств. Неявка наказывалась штрафом в 50 копеек, “бесчинство и шум” на сходе – в 2 рубля. На волостные сходы каждое селение выбирало двух “доверенных” от каждых 100 ревизских душ и одного из добросовестных.

Сходы обсуждали важные дела крестьянской жизни. По представлению головы рассматривали и утверждали подворную раскладку податей и повинностей, для чего составлялся документ – “приговор”. Всякие дополнительные сборы на общественные нужды селения или всей волости могли быть введены только по согласию мира. Мирские приговоры требовались и для открытия базаров и ярмарок, для переселений крестьян на новое место, для строительства зданий волостного правления, богаделен, школ и прочего.

Выборные должностные лица ежегодно представляли обществу отчёт о расходовании мирских средств. Мирские сходы могли отрешить старосту и голову от должности как по их просьбе, так и при их болезни, пьянстве или злоупотреблении властью.

За неисполнение правил веры, за буйство, пьянство, ябедничество, мотовство, леность, неповиновение должностным лицам мир мог лишить крестьянина права участвовать в сходах и приговорить к публичному наказанию розгами или отправить в смиренный дом, а если эти меры оказывались недейственными – то отдать провинившегося в рекруты либо сослать на поселение в Сибирь. Лишались права участвовать в мирских сходах

и крестьяне, которые “по нерадению и беспорядочной жизни” имели недоимки.

Губернские и центральные органы управления осуществляли общий контроль за деятельностью мирских властей, непосредственно вмешиваясь во “внутренние сельские дела” лишь в случаях, когда сельские общества не исполняли своих прямых обязанностей или обнаруживались злоупотребления со стороны выборных должностных лиц.

Во исполнение указов Павла I все уезды Саратовской губернии в конце XVIII – начале XIX веков поделили на волости, образовали несколько приказов и немецких округов. Восемь селений Саратовского уезда, расположенных на реках Узеньях – Александров Гай, Алтата, Малый Узень, Новотроицкое (Куриловка), Орлов Гай, Осинов Гай, крепость Узени и Чертанла, – составили Узенскую волость. Правление её первоначально находилось в крепости Узени, а в начале 1830-х годов было перенесено в слободу Новотроицкую. Соответственно изменилось и название волости, в которой насчитывалось уже 13 населённых пунктов, поскольку переселенцы казённого ведомства, прибывшие в конце 1820-х – начале 1830-х годов основали на Узеньях деревни Дергачи, Карповку, Мироновку и Новорепную.

В Узенской (Новотроицкой) волости жили крестьяне и удельного ведомства. Они поселились в Александровом Гае, Малом Узене и Чертанле, а в начале 1830-х годов основали село Новотроицкое (Перекопное). До 1809 года удельные крестьяне трех узенских селений административно находились в непосредственном ведении Золотовского удельного приказа Камышинского уезда. Для них такое положение было крайне неудобным и обременительным, так как село Золотое располагалось за сотни вёрст от Узеней, да ещё на правом берегу Волги.

Департамент уделов в 1808 году наметил провести некоторые преобразования внутри своего ведомства. Для управления удельными именными в губерниях учреждались особые конторы, пересматривалась структура приказов, вводилась новая административная единица – отделение. Вскоре в управлении удельными именными Саратовской губернии произошли соответствующие изменения. Было открыто несколько новых приказов и образованы отделения, в том числе и Чертанлинское.

Управляющий Саратовской удельной конторой в сентябре 1809 года поручил столоначальнику А.Т. Златоустинскому отправиться на Узени и открыть там Чертанлинское отделение. Удельных крестьян Александра Гая, Малого Узеня и Чертанлы оповестили о предстоящем мирском сходе.

На мирской сход 1 октября 1809 года собрались 18 представителей от удельных крестьян. Из них 12 были жителями Чертанлы: Яков Вершков, Фёдор Зубарев, Агап Карпов, Пётр Корякин, Алексей Комарев, Хрисанф Котин, Сергей Крючков, Аким Сложеникин, Ефим Сорокин, Егор Сучков, Яков Холопов и Гаврила Яндринский. Остальные 6 представляли удельных крестьян Александра Гая и Малого Узеня. Тайным голосованием им предстояло избрать голову и писаря отделения, а также по 2 добросовестных на каждое селение.

Сход открыл Л.Т. Златоустинский: он объявил о цели своего приезда и

разъяснил процедуру предстоящих выборов. Священник Екатерининской церкви Иван Петров привёл всех собравшихся к присяге: они поклялись “пред Всемогущим Богом и святым Его Евангелием”, что при выборе должностных лиц будут “сохранять всю справедливость и беспристрастие”, отдадут свои голоса за того, кого “по совести считают достойным, без малейшего лицепрятия по родству, дружбе или неприязни, но по чистой совести и справедливости”.

Кандидатами на должность головы выдвинули 10 человек. Наибольшее число голосов (“за” – 17, “против” – 1) получил крестьянин из Александрова Гая Харламий Щёголев. Писарем стал Ефим Сорокин, а добросовестными села Чертанлы – Хрисанф Котин и Алексей Комарев (после его смерти на эту должность в следующем году был избран Егор Куров). Все выборные клятвенно обещали “по чести и совести” выполнять возложенные на них обязанности, а участники схода составили приговор. Управление отделением разместили в доме Алексея Комарева. Так Чертанла стала административным центром удельных крестьян поселившихся на Узнях, а Харламий Щёголев – первым головой Чертанлинского отделения⁹.

Трудно сказать, сколь долго Харламий Щёголев оставался головой – далеко не все документы тех лет дошли до наших дней. Из сохранившихся же известно, что головой Чертанлинского отделения в разные годы избирались Никита Голубев, Пётр Кадушкин, Архип Карпов, Гаврила Чуриков, писарями служили крестьяне Беляев, Крижногорский, Рыбков, Шилин, обязанности старост выполняли Яков Холопов, Семён Зубарев, Фома Морозов, Алексей Жилин, Василий Скачков. Все они были рачительными крестьянами, крепкими домохозяевами и, как тогда говорили, людьми лучшими, добросовестнейшими и неподозрительными. И в этом нет ничего необычного, ибо на выборные должности крестьяне выдвигали мужиков серьёзных и ответственных – тех, кого хорошо знали и кому доверяли.

Не власть и не богатство, а личностные и прежде всего душевные качества человека занимали ведущее место в системе ценностей русского народа. Даже в среде купечества нажившие капиталы неправедными путями не пользовались ни уважением, ни доверием. В крестьянском же миру жизнь была напоена духом Православия, здесь высоко ценились взаимопомощь, милосердие и сострадание. Власти России старались поддержать многовековой внутренний строй народной жизни, сохранить и приумножить народные традиции.

Весьма показательное наставление, написанное управляющим Саратовской удельной конторой для головы Чертанлинского отделения Харлампия Щёголева. Оно даёт наглядное представление не только об основных обязанностях головы, но и о нравственных ценностях и моральных нормах, которые высоко почитались в российском обществе. В наставлении говорилось: “По доброму о тебе мнению всего мирского общества, был избран ты в нынешние звание и получив чрез то доверенность от самого начальства на управление подведомственных Второму отделению Золотовского приказа крестьян, должен:

1) быть для всех примером честного поведения, трезвой жизни, трудолюбия и попечительности о хозяйстве;

2) при сем наблюдать, чтоб и другие крестьяне с точностью и рачением исполняли все их обязанности, вели жизнь трезвую; в семействах, в соседстве и с посторонними людьми были миролюбивы, кротки и к старшинам почтительны. Ежели на кого будет принесена жалоба или в непослушании к старшим в семействе, или в ссоре с соседями, или же нетрезвой и распутной жизни, то ты должен прежде стараться такового вразумить советом и приличным наставлением, потом, в случае неисправления, сделать ему подтверждение пред обществом всего селения, когда же и затем не усмотришь исправления, то с общего мирского приговора сделать наказание употреблением в общественную работу или денежную пеней в пользу вдов и сирот, если и засим уже закоснееет в непослушании, то наказывать телесно <...>.

3) не должен ты ни под каким предлогом ходить в питейные дома и подобные ему места, но всемерно ещё стараться отвращать от того прочих крестьян, как паче не позволять, чтоб в сих местах или около оных крестьяне собирались или для пьянства или на мирскую сходку для рассуждения по делам;

4) никак не должен ты осмеливаться на лихоимство и корысть, в каком бы то случае не было, и ни под каким видом не касаться или присвоения себе чужой собственности или умножения выгод на счёт мирской <...>.

5) обязанностью твоею имеет неослабое попечение в целости всего удельного имения по ведомству отделения состоящего, руководствовать крестьян к обрабатыванию полей, удобрению земель, умножению разного рода хозяйственных заведений и вообще быть первым местным начальником поселян, радеть о прямой их пользе и выгоде;

б) должен ты иметь всегдашнее попечение, чтобы как хозяйственные дела имели доходы, так казенные и общественные подати вносимы были в назначенные для того сроки бездоимочно <...>. При сборе всякого рода податей и повинностей наблюдать совершенную верность и точность и отнюдь не прибавлять от крестьян ничего излишнего сверх прямой их обязанности¹⁰.

Крестьянские повинности и права

Хотя в сельском мире и налагались на крестьян многочисленные повинности и разнообразные сборы, они всё же не были столь обременительными, как считали наши историки. Денежные платежи делились на подушную подать, подушный оброк, земские повинности и мирские сборы. Подушной податью, представлявшей собой государственный налог, облагались все лица мужского пола. В середине 1820-х годов она составляла 3 рубля годовых. К ней присоединялся специальный душевой сбор по 30 копеек на устройство путей сообщения. Таким образом, государственный налог равнялся 3 рублям 30 копейкам в год с каждой ревизской души. Он поступал в бюджет казны.

Земские повинности взымались на местные нужды согласно губернским сметам. Так, за 1825 год с каждой ревизской души удельных крестьян

Чертанлинского отделения было взыскано по 50 копеек на устройство почтовых дорог и перевозов, на содержание лошадей при земском суде и на препровождение колодников. На мирские расходы, то есть на жалование крестьянским выборным, на оплату служебных квартир, оспопрививание, наём лошадей и т. д. взимались мирские сборы. В 1825 году таких сборов на каждую ревизскую душу чертанлинских крестьян приходилось 1 рубль 25 копеек.

Годовой оклад государственных податей, причитавшийся с волости, раскладывался миром между всеми налогоплательщиками соответственно их имущественному положению. Согласно круговой поруке, оформленной законом 1769 года, каждое селение отвечало за исправную уплату податей. За бедных, больных и сирот все платежи вносило крестьянское общество. Для внесения казённых податей устанавливались два срока: 1 марта и 15 декабря. В случае неуплаты всей суммы представители земского суда объезжали селения и взыскивали недоимки. Если убеждения не давали результатов, то неплательщики вместе с крестьянскими выборными могли быть арестованы и на определённый срок отправлены в рабочие дома.

Подушный оброк взимался за пользование землей. С 1824 года и для удельных, и для казённых крестьян он равнялся 10 рублям в год. Этот оброк, собранный с государственных крестьян, поступал в казну, а с удельных – в бюджет Департамента уделов. За несвоевременную уплату на селение налагался штраф: в первый месяц он составлял один процент от недоимочной суммы, затем – возрастал на один процент за каждый просроченный месяц.

Итак, во второй половине 1820-х годов чертанлинские крестьяне ежегодно вносили 15 рублей 5 копеек различных податей с каждой ревизской души. Эта сумма равнялась рыночной цене 22,6 пуда (3,8 центнера) пшеницы. В 1826 году удельные крестьяне Чертанлинского отделения в среднем продали 56,6 пуда пшеницы на каждую ревизскую душу².

Были ещё и многочисленные натуральные повинности. Наиболее распространённые из них: подводная – по перевозке чиновников и казённых товаров; дорожная – по устройству и исправлению дорог, мостов и гатей; строительная – по постройке крепостей, казённых зданий, хлебных запасных магазинов и т. д.; постоянная – по размещению и содержанию воинских частей, сопровождению арестантов. Самой же обременительной являлась рекрутская повинность. Потеря взрослого работника была серьёзным испытанием для крестьянской семьи, ведь солдатская служба длилась 25 лет. Как только правительство объявляло рекрутский набор, крестьянское общество выделяло определенное количество человек с каждых 500 ревизских душ. Рекрутов поставляли на основе очереди, определяемой заранее составленными списками. Холостые шли служить раньше женатых. От рекрутской повинности освобождались сельские выборные, переселенцы (в течение 3 лет), ямщики, лашманы и некоторые другие. Крестьянское общество имело право сдавать рекрутов вне очереди, освобождаясь от “порочных” элементов, недоимщиков, а также тех, кто хотел служить добровольно. В подобных случаях сельское общество получало специальный документ – зачётные рекрутские квитанции. Крестьяне, подлежащие рекрутчине, имели право освободиться, купив такую

квитанцию или наняв вместо себя добровольцев.

Обложение натуральными повинностями в разные годы складывалось по разному. Бывало и так, что крестьяне какого-либо селения или волости в течение года вообще не имели никаких натуральных повинностей, например, Чертанлинского отделения в 1825 году.

В отличие от владельческих (помещичьих) крестьян государственные и удельные крестьяне обладали довольно широкими личными и имущественными правами. С конца XVIII века им было дозволено покупать землю, а в начале следующего века – отчуждать, закладывать и переуступать приобретённую землю. Они могли продать дворы и дворовые постройки, правда, в пределах своего ведомства и с разрешения местного начальства. Однако крестьяне нередко покупали, продавали, закладывали и сдавали в аренду свои участки без позволения начальства, так как среди них был распространён взгляд, что вся обрабатываемая ими земля – их полная собственность. С конца 1820-х годов крестьяне могли приобретать недвижимость в городах, строить там собственные дома.

Целый ряд законов середины XVIII – первой трети XIX веков регулировал права крестьян в торговле и промыслах. При желании и возможностях всякий крестьянин мог вести розничную торговлю, торговать даже с заморскими странами. Как на селе, так и в городах крестьянам разрешалось открывать различные заведения, в том числе трактиры, фабрики и заводы. Не возбранялся переход крестьян в другие податные сословия – мещанство и купечество. Правда, этому долго мешали многочисленные и весьма стеснительные ограничения. Так, удельный крестьянин, пожелавший уволиться в купечество или мещанство, должен был внести выкуп, равный цене рекрута. В конце XVIII века эта сумма равнялась 125 – 360 рублям, а к середине 1820-х годов возросла до 2 – 5 тысяч рублей. Крестьянки переходили в другие сословия либо вместе с их отцами и мужьями, либо путём замужества с мужчинами иных сословий. Личное же их увольнение не допускалось. Если женщина удельного ведомства выходила замуж за купца, мещанина, чиновника, мастерового и “вообще всех людей свободного состояния”, то требовалось внести 100 рублей так называемых выводных денег. Деньги не взыскивали за выход замуж в казённое ведомство, за помещичьего крестьянина или же за служащих низших военных чинов. По распоряжению Департамента уделов от 31 августа 1799 года сельским выборным предписывалось внушать холостым крестьянам “собственную их чрез вступление в брак пользу и чтоб брали невест преимущественно из своих удельных селений, однако же и в сем случае принуждения никакого не чинить”. Поэтому основная часть браков заключалась между крестьянами одного и того же ведомства, выход крестьян в другие сословия до второй половины XIX века был довольно редким.

Ещё один путь покинуть крестьянское сословие – уход в монашество. По указу от 17 августа 1803 года, увольнительные виды выдавались тем, кому было не менее 30 лет, кто знал грамоту и удовлетворял всем требованиям Духовного регламента.

Наибольшей регламентации подвергались передвижение и переселение, а

также раздел семей. Без разрешения местных властей и без выдачи паспортов крестьянам дозволялось отлучаться из своих селений не более чем за 30 вёрст. Хотя эти предписания повсеместно нарушались, правительственные органы особенно строго следили за тем, чтобы не совершались самовольные переселения. Крестьянин, пожелавший переселиться, должен был заручиться увольнительным приговором от своего общества, а также “приёмным” приговором того общества, куда хотел перебраться. Эти приговоры утверждались губернскими и центральными административными органами. Самовольного переселенца возвращали на первоначальное место и отдавали в рабочий дом, а крестьяне его селения, равно как и того, в которое он перешёл, платили штраф – 10 рублей за каждую мужскую душу самовольно переселившихся. Такой же штраф налагался на волостных и сельских выборных. И всё же эти санкции были малоэффективны. В первой половине XIX века самовольные переселения крестьян, как и отлучки без паспортов, достигли довольно внушительных размеров. Власти оказались бессильны остановить эти процессы.

Семейные разделы обставлялись ещё большими ограничениями. Государственно-административные органы руководствовались исключительно экономическими интересами. Считалось, что семейные разделы серьёзно вредят крестьянскому хозяйству. Уже по закону 1797 года разделы допускаются не иначе, “как по обстоятельному и верному исследованию и расчислению в рассуждении земли и принадлежащих до хлебопашества и иного хозяйства орудий и скота”, а “ежели бы такие разделы происходили по одной вражде в семействе и служили во злоупотребление, то вовсе оные запрещать”.

В дальнейшем (август 1827 года) были обнародованы подробные правила раздела. Теперь крестьянин, пожелавший разделить, должен был заявить об этом миру, дать сельским органам управления письменные сведения о составе своего семейства, количестве земли, опись хозяйственных построек, инвентаря и движимого имущества, а также свои предложения о разделе. Раздел местные власти разрешали лишь в том случае, если “в главном и во вновь отделившемся от него доме находилось по крайней мере по два здоровых и трудолюбивых работника, не моложе 18 и не старше 60 лет, и чтоб отделившееся семейство наделено было всем нужным к заведению особого хозяйства”. Мирской приговор на раздел утверждали губернские и центральные власти.

Нельзя не признать, что такая регламентация во многих отношениях не противоречила здравому смыслу. Государственная и удельная деревня никогда не испытывала того бесправия, какое выпало на долю крепостных крестьян. Более того, государственные крестьяне признавались носителями публичного права: они не только не лишались права принятия присяги воцарявшемуся государю, но и привлекались как представители сословия в общегосударственные совещательные собрания. В Своде законов Российской империи, изданном в 1832 году, за ними закреплялось звание “свободных сельских обывателей”.

К сказанному добавим, что тщательная, часто мелочная регламентация крестьянских прав проистекала из господствовавшей в XVIII – XIX веках

теории “государственного попечительства”. Согласно ей, государственные органы и учреждения призваны были наставлять и опекать подведомственные им податные сословия. Власти считали своей прямой обязанностью содействовать развитию земледелия, обеспечивать крестьян необходимым земельным наделом, укреплять их хозяйство и, конечно же, заботиться о поддержании добронравия и православной веры.

Хозяйствование узенских крестьян

На Узенях в 1807 году впервые провели межевание земель. Каждому селению отвели от 60 до 79 тысяч десятин, из них 30 тысяч – удобных, а остальные – занятые дорогами, реками, озёрами, оврагами, болотами и солонцами. Только третья часть солонцов считалась пригодной, да и то лишь для пастбищ. Распахивать их или отводить под сенокосы даже не помышляли.

Удобную землю использовали главным образом под пастбища и сенокосы, ибо основным занятием узенских крестьян вплоть до 1840-х годов было скотоводство. Так, после межевания 1807 года на 553 ревизские души чертанлинских крестьян приходилось 586 десятин пашни, 324 – леса и 23026 – пастбищ и сенокоса. В даче деревни Новотроицкой (Куриловки) и крепости Узени, в которых проживало 433 человека мужского пола, пашня занимала 584 десятины, лес – 241, а пастбища и сенокосы – 29 102 десятины¹³.

Землями под сенокосами и пастбищами пользовалось всё крестьянское общество. Практиковалась “косьба на захват”: по решению мирского схода назначался день, когда крестьяне с любым числом работников на утренней заре выезжали в степь, и каждый косил столько, сколько хотел и мог скосить.

На Узенях содержали в основном крупный рогатый скот и овец “калмыцкой” и “киргизской” пород. В 1820 году только удельные крестьяне имели 5602 головы скота. За следующее десятилетие это количество удвоилось, и в 1829 году крестьянский двор держал в среднем 5 лошадей, 13 коров и волов, 16 овец и 2 свиньи¹⁴.

С начала 1830-х годов развивается хуторское хозяйство. На хуторе обычно возводили собственный дом, дворовые постройки, делали погреб и колодец, Изредка вместо дома рыли землянку. Хутора предназначались прежде всего для зимовки скота, хотя здесь же крестьяне сеяли пшеницу, рожь и овёс. Располагали хутора чаще близ степных речек. На речках Горькой и Дюре, например, было 10 хуторов чертанлинских крестьян: Захара Бабаева, Трофима Кадушкина, Иона и Степана Крючковых, Трофима и Фомы Морозовых, Аверьяна Сучкова, Савелия Тимонина, Гаврилы и Лариона Яндринских. Владельцы этих хуторов держали 865 голов скота и засевали хлебом 194 десятины. Семьи хуторян насчитывали от 11 до 23 человек, поэтому какой-либо надобности в наёмных работниках не ощущалось.

На Малом Узене было 17 хуторов удельных крестьян Александрова Гая. Наиболее крупные принадлежали Михаилу Жданову, Лазарю и Филиппу Коршуновым, Ивану Федюнину, Гавриле и Лариону Чуриковым¹⁵. Немало хуторов возникло на реках Большом Узене, Чертанле и в других местах.

За первую треть XIX века выдалось 6 очень неблагоприятных для

крестьянского хозяйства лет. Сильные холода и бураны, обрушившиеся на заволжские степи в конце марта 1811 года, погубили много скота, были и человеческие жертвы. В 1815, 1821 и 1833 годах сильная засуха полностью уничтожила урожай зерновых, степи выгорели – невозможно было запасти корм для скота. В наредкость суровые зимы 1816 и 1828 годов снежные бури необыкновенной силы продолжались по несколько дней кряду. Сено и хлеб, хранившиеся в стогах и одоньях, разметало по степи, а то, что уцелело, было потравлено тысячами голов киргиз-кайсацкого скота, нагнанного ураганным ветром. Для определения размеров ущерба и разбора жалоб поселян о потраве хлеба и сена и, с другой стороны, киргиз-кайсаков об утайке и самовольной распродаже крестьянами скота учредили комиссии. Как крестьяне, так и ордынцы-кочевники понесли тогда колоссальные убытки. У первых потравы были исчислены на огромную по тем временам сумму – 320 тысяч рублей, а вторые лишились почти 1,5 миллиона голов скота¹⁶.

Хлеб узенские крестьяне в начале XIX века выращивали только для внутреннего потребления, поэтому посевы занимали незначительные площади удобной земли. Один из чиновников удельного ведомства, в 1809 году побывавший в Чертанле, в рапорте Саратовской удельной конторе сообщал: “Пашенные участки располагались по Большому Узеню в разных местах, чрез великое один от другого расстояние, кои за чрезвычайной мелкостью наложением на план изобразить неудобно”. Крестьянские участки имели длину от 6 до 11 сажень (13 – 24 метров) и ширину от 3 до 5 сажень (6,5 – 11 метров).

Однако постоянный рост числа жителей и развитие товарно-денежных отношений стимулировали увеличение посевных площадей. В 1820 – 1830-е годы крестьяне сеяли рожь, овёс, просо, горох, но больше всего – прекрасную по качеству пшеницу-белотурку. Средняя урожайность зерновых составляла 30,5 – 33,5 пуда с десятины, или 5 – 5,5 центнера с гектара. За 1820-е годы полностью неурожайным был 1821 год, а наиболее высокоурожайным – 1828-й, когда пшеницы и овса собирали по 70 пудов, ржи – по 45, проса – по 98 пудов с десятины¹⁷. Случались годы, когда лучшие земли давали по 100 и более пудов пшеницы-белотурки.

В заволжских степях повсеместно господствовала переложная система земледелия: целинные земли занимали посевом не более 3 – 4 лет, затем на 5 – 7 лет оставляли в перелог, они вновь становились общественным достоянием и использовались как сенокосы и пастбища. Но если оставленная пашня без всякой обработки и посева давала новый урожай зерновых, прежний хозяин имел право собрать взошедшую “падалицу” (от прошлогодних упавших зёрен) или “пропадалицу” (от зёрен позапрошлого года). Землю в первые два года обрабатывали тяжёлым малороссийским плугом с одним лемехом и резцом, а на третий-четвёртый год – более легким немецким плугом. В зависимости от того, что пахали – новь, залежь или оборот, в плуг впрягали от 3 до 5 пар волов. Бороновали обычно на 2 парах волов или 3 лошадях.

Хлеб косили серпами и косами, обмолачивали прямо в поле: раскладывали снопы кругом и гоняли по ним лошадей, связанных поводками. С 1830-х годов к уборке хлебов стали привлекать наёмную рабочую силу. В

урожайные годы крестьяне Симбирской, Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской губерний целыми артелями и в одиночку стекались в Заволжье на сезонные работы. Косец за неделю получал от 6 до 9 рублей, жнец – от 8 до 12, подёнщик – до 1 рубля 50 копеек в день. У артели за жнитво выходило по 8 рублей с каждой десятины¹⁸. Половина пензенских крестьян кормилась саратовскими земледельческими заработками.

Пшеницу узенские крестьяне вывозили на волжские пристани – в немецкую колонию Баронск (ныне – Марксе) и в село Балаково. В конце 1820-х годов четверть пшеницы (9 пудов 15 фунтов) стоила 5 – 6 рублей, четверть ржи (8 пудов 20 фунтов) – 4, четверть овса – до 2 рублей 50 копеек. В неурожайные годы цены поднимались в 4 – 6 раз. С 1826 по 1829 годы удельные крестьяне Чертанлинского отделения ежегодно имели продажного хлеба в среднем по 52744 пуда, или по 32 пуда на каждого жителя¹⁹.

Большую часть предназначенного для продажи зерна крестьяне перерабатывали на муку и крупу. В начале 1830-х годов только у удельных крестьян было более 30 ветряных и конных мельниц. Ежегодно сооружалось по 2 – 3 мельницы. Пшеничную и ржаную муку поставляли уральским казакам, крупные хлебные рынки которых находились в Уральске и на Глинянском форпосту в низовьях Узеней. У киргиз-кайсаков и башкир, кочевавших неподалеку, большим спросом пользовалась пшеничная крупа – они называли её джармой.

На продовольствие крестьяне оставляли по 15 пудов зерна на члена семьи. По случаю неурожая каждое селение всегда хранило определённый запас общественного хлеба. Для него ставили специальные амбары – запасные хлебные магазины. До 1827 года крестьяне обязаны были часть своего урожая (4 гарнца зерна с каждой ревизской души) сдавать на хранение в хлебные магазины. По указу 1827 года о введении общественной запашки, крестьянским обществам надлежало иметь особый пахотный клин – из расчёта 1/16 часть десятины на каждую ревизскую душу. Этот участок пашни обрабатывали все крестьяне селения по нарядам, утверждаемым мирским сходом. Полученный с него урожай закладывали в запасной хлебный магазин. По наполнении магазина (15 – 16 пудов на ревизскую душу) излишки хлеба продавали, а выручка составляла особый капитал. Для надзора за общественной запашкой и заведования хлебным магазином мирской сход избирал смотрителя, или приказчика. Если у крестьян возникали трудности с семенами, они могли прибегнуть к общественной помощи через запасные хлебные магазины. В начале 1830-х годов удельные крестьяне Чертанлы возделывали от 75 до 95 десятин общественной запашки, где выращивали рожь, овёс и пшеницу. Узенские крестьяне продавали и скот. Так, в Чертанлу для покупки скота приезжали купцы из Саратова, Моршанска, Мурома и иных мест.

И всё же до второй половины XIX века торговля не играла существенной роли в экономике узенских крестьян. Их хозяйствование носило в основном натуральный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грот Я.К. Материалы для истории пугачёвского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачёва. СПб., 1875. С. 69.
 2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XX. С. 706.
 3. Там же. Т. XX. С. 435; Т. XXI. С. 186 – 187; Т. XXII. С. 427, 1098.
 4. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 74. Оп. 1. Д.1. Л 24; Ф. 606. Оп. 1. Д. 40. Л. 329.
 5. Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 5. Л. 7об; Ф. 654. Оп. 1. Д. 160. Л. 15 об.; Д. 162. Л. 22 об.; Д. 163. Л. 8 об.
 6. Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7297. Л. 1 – 1 об.
 7. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 150. Л. 152 – 181 об.; Д. 156. Л. 5 – 10 об., 36 – 40, 573 – 575, 670 – 674, 683 – 700, 781 – 796 об., 800 – 809 об., 858 – 859, 866 – 869, 872 – 872 об., 897; Ф. 74. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 4 об., 7 – 10 об.; Ф. 407. Оп. 1. Д. 70. Л. 307. об.
 8. Там же. Ф. 654. Оп. 1. Д. 687 Л. 4.
 9. Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 66. Л 157 – 179.
 10. Там же. Л. 133 – 137.
 11. Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 220. Л 15 об. – 16.
 12. Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 – 3 об.; Ф. 606. Оп. 1. Д. 385. Л. 225 – 225 об.
 13. Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 69. Л. 14 об.; Ф. 654. Оп. 1. Д. 547. Л. 14 – 15 об.
 14. Там же. Ф. 606. Оп.1. Д. 171. Л. 20; Д. 385. Л. 167, 173.
 15. Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 241. Л. 372 – 374 об.
 16. Энгельке К. Ф. Хозяйственное положение Саратовской губернии в 1841 году // Журнал Мини стерства Государственных Имуществ. 1841. № 2. С. 371.
 17. ГАСО. Ф. 606. Оп. 1. Д. 69. Л. 14 об.; Д. 385. Л. 225 – 226.
 18. Энгельке К. Ф. Указ. соч. С. 398.
 19. ГАСО. Ф. 74. Оп. 1 Д. 14. Л. 3 – 3 об.; Ф. 606. Оп. 1. Д. 385. Л. 225 – 226; Д. 425. Л. 67; Д. 428. Л. 67.
-